

РЫЖАКОВА Светлана Игоревна

**«НЕ ПОЗВОЛЬ ВИРУСУ ВТОРГНУТЬСЯ
В ТВОЕ СОЗНАНИЕ!»: БЕСПОКОЙСТВА И
ОЖИДАНИЯ В ИНДИИ В ПЕРИОД COVID-19
(ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА ЭТНОГРАФА,
8-25 МАРТА 2020 г.)***

DOI: <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/12>

Ссылка при цитировании:

Рыжакова С.И. (2020) «Не позволь вирусу вторгнуться в твоё сознание!»: беспокойства и ожидания в Индии в период COVID-19 (заметки из дневника этнографа, 8-25 марта 2020 г.). *Медицинская антропология и биоэтика*, 1(19).

Светлана Игоревна Рыжакова –

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра азиатских
и тихоокеанских исследований
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
(Москва)

<https://orcid.org/0000-0002-8707-3231>

E-mail: sryzhakova@gmail.com

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН. Полевой материал получен в ходе работы по гранту РФФИ № 18-09-00389.

Ключевые слова: март 2020 года, Covid-19, Индия, этнографический дневник, страхи

Аннотация: На основе этнографического дневника и ряда публикаций в настоящем эссе представлена хроника дней с 8 по 25 марта 2020 г., проведенных автором в Индии – в Дели, Вриндаване и его окрестностях, в университете Алигарха, Калькутте и Ченнаи. В заметках, зарисовках, впечатлениях этих дней очерчена конфигурация перемен

в индийском обществе, происходящих в связи с началом распространения новой коронавирусной инфекции.

Вчера в болоте была такая суета! Праздновали рождение малюток: родилось двенадцать блуждающих огоньков из того сорта, что могут по желанию вселяться в людей и действовать между ними как настоящие люди <...> Такой блуждающий огонек может обежать всю страну, даже весь свет, если только не боится упасть в море или погаснуть от сильного ветра. Он может прямехонько вселиться в человека, <...> действовать в его духе, но сообразно своей натуре <...> Если человек разгадает, с кем имеет дело, и сможет задуть огонек – тогда этот пропал: полезай назад в болото! <...> Блуждающие огоньки могут принимать на себя всякие личины и являться во всех местах

(Андерсен 1973: 315-326).

Ты просто повторяй: А-Тари, «без страха», А-Биш, «без боли»

(из беседы автора с Тиной Мехтой; Калькутта, март 2020 г.).

Последние две недели марта 2020 г. я предполагала провести в Южной Индии, в штатах Тамилнаду и Керала: наметила полевою работу, изучение нескольких традиций ритуальной и светской драмы. Меня ждали в деревне Меллатур, известной своей традицией бхагавата мела натакам¹, и в деревнях Кералы, где в марте начинается сезон падаyani². До самого последнего момента я надеялась на продолжение экспедиции, однако ситуация повернулась таким образом, что вечером 23 марта я решила покинуть Индию. 25 марта мне удалось улететь из Дели в Москву спецрейсом «Аэрофлота», иначе не исключено, что подобно Брониславу Малиновскому, в свое время застрывшему в южном полушарии в связи с Первой мировой войной, и я бы осталась в стране, культуру которой изучаю, надолго.

Два фактора сыграли решающую роль в моем решении вернуться. Стало ясно, что едва ли я смогу спокойно покинуть Индию в ближайшие месяцы. Кроме того, мне не хотелось обременить приятельницу в Керале, до последнего оптимистично звавшую меня в гости. В ее собственном доме около Коттаяма я могла бы находиться и до настоящего

времени, однако наличие иностранки могло бы создать ей ненужные проблемы. С другими людьми едва ли бы удалось увидеться: Керала стала первым штатом в Индии, введшем режим жесткой изоляции. Все ритуальные представления – а они проводятся под открытым небом и всегда собирают значительное число участников – в начале двадцатых чисел марта 2020 г. были официально отменены. Однако теперь мой полевой дневник полон иных записей, а в моем архиве газетных и журнальных вырезок появилась папка «India_Covid-19». По большей части это свидетельства об эмоциях, о душевных состояниях, о беспокойствах и – чуть-чуть – о надеждах.

В непривычной и хаотичной обстановке все проявления человеческого поведения и взаимодействия обостряются. Эгоистическая и альтруистическая стратегии действий выступают с особенной очевидностью. Разрушение построенных планов, резкая смена привычной жизни и нарастающая неопределенность как ничто другое высвечивают скрытые качества как каждой личности в отдельности, так и сообществ – конфессиональных, этнических, социальных групп. Непосредственно быть в такой ситуации, видеть, слышать, испытать – редкая удача для этнографа.

С 8 по 25 марта 2020 г. я находилась в разных городах и деревнях Индии. То, что вы прочитаете ниже, – заметки, зарисовки, впечатления этих дней, и некоторые невольные, сугубо субъективные размышления.

Москва – Дели. 7-8 марта.

Я вылетела из Москвы в Дели самолетом «Аэрофлота» вечером 7 марта. Перед отлетом заглянула в аптечные магазинчики в Шереметьево, масок и «санитайзеров» для рук в продаже не было. С того момента и на протяжении всего путешествия по Индии я пользовалась только мазью виферон и настойкой эхинацеи, а также при перелетах на внутренних рейсах меня сопровождала парочка масок, купленных в делийском аэропорту. К частому мытью рук и регулярным душам я давно уже привыкла за годы поездок в Индию. В Дели мы прилетели около четырех часов утра.

Длинные коридоры Международного аэропорта им. Индиры Ганди были перегорожены постами со стойками, к которым змеились очереди: девушки-медсестры измеряли температуру «пистолетиками». От каждого прилетевшего требовалось заполнить в двух экземплярах анкету, в которой следовало указать, в каких странах ты побывал за последнюю неделю, нет ли у тебя признаков недомогания, и сообщить свой адрес пребывания в Индии.

Мне повезло, было мало народу; говорили, что подчас люди стояли часами. Известны были случаи отказа: так, в первых числах марта в Индию не пустили одного индийского бизнесмена, прилетевшего из России, но побывавшего незадолго до этого в Китае.

В зале паспортного контроля было гораздо больше индийцев, возвращавшихся на родину, чем иностранцев. Последних же делили: тем, кто прибывал из таких стран как Китай, Иран и Италия, следовало подходить к особой стойке. Россия в тот момент не входила в число «стран, затронутых ковидом».

8 марта, воскресенье, я провела в Дели; город жил обычной жизнью. Маски на лицах некоторых людей стали здесь уже довольно обычным явлением, в октябре-декабре город стал регулярно испытывать экологическую катастрофу от задымления, вызванного рядом факторов, прежде всего, сезонным сожжением травы в окрестных деревнях. Весной ситуация с городским воздухом не столь плачевна, и маски были только на единичных прохожих: «ковид» казался «далеким, неведомым зверем». В районе Манди-хаус, около института искусств «Шрирам Бхаратия кала кендра» раскинулся арт-базар, приехали художники и скульпторы из всех уголков страны. Я съездила в гости к профессору Прабодху Джингану, он живет уединенно с семьей, женой, сыном, невесткой и маленькими внуками; наши беседы всегда крутятся вокруг семиотики и театра. Вечером в аудитории Камани шел балет «Шакти» – в данном случае, в честь Международного женского дня.

Вриндаван и окрестности. 9-12 марта.

9 марта в 6 утра я уехала на поезде Bhopal Shatabdi – до Матхуры, откуда взяла авторикшу до ашрама Джайясингх гхера во Вриндаване. В этот день по традиции устраивалось последнее представление *раслилы*, ритуальной драмы, посвященной Радхе и Кришне. Завтра – торжество Холи, день бурного празднования, посыпания друг друга цветными порошками и поливания подкрашенной водой.

Вриндаван и Матхура всегда наполнены приезжим людом; много здесь и иностранцев, особенно последователей Общества сознания Кришны. Жители и посетители здесь, вне зависимости от касты, занятия, достатка и происхождения, сливаются в удивительном единстве, которое ощущается и в языке, и в телесных практиках.

Вриндаван – всецело город Радхи, божественной возлюбленной Кришны. Попадая сюда, ты становишься частью своеобразного

«тела», которое втиснуто в пространство узких улочек, «течет» по ним, огибает набережную реки Ямуны, выходит на свободу сельской местности, дотягивается до деревень, в каждой из которых обретает свой облик, обзаводится своей легендой.

Празднование Холи в области Браджд, пространстве, где некогда согласно преданиям провел свое детство и юность Кришна, растянуто во времени, и длится с конца января (праздник *Васанта панчами*, посвященный богине Сарасвати) до начала месяца *чайтра*³. Ашрам Джайясингх гхера, основанный одним из учеников Чайтаньи, стал моим домом на несколько праздничных дней.

В эти праздничные дни здесь остановились профессиональные фотографы, друзья махараджи Шриватсы Госвами, хозяина нашего ашрама, колесившие по окрестным деревням – в каждой из них сохраняются свои красочные обычаи и традиции. В деревне Пхален устраивают огромный костер, проводят ритуальное «сожжение Холики». По костру, в огне пламени, пробегает один из жрецов местного храма, посвященного адепту Вишну – мальчику Прахладе, который был спасен Нарасимхой, удивительным воплощением бога в человеке-льве. В деревне Барсана женщины облачаются в нарядные одежды, берут в руки бамбуковые палки и начинают ими лупить мужчин, которые стараются только увернуться от особо сильных ударов.

В других деревнях ночью устраивают танцы с сосудами: женщины зажигают в них огонь, водружают себе на голову, и начинают двигаться, приплясывать и крутиться. В эти и другие деревни мы поехали в эти дни немало.

«Короны нет! Пожалуйста, проходите!», – кричали парнишки в деревне Джао, приветствуя нас 11 марта. Слухи о новой заразе бродили, но проблема не была актуальной. Нас, посетителей, было пятеро, и только бенгальская парочка, муж и жена, надели белые маски, используемые в Индии в последние годы для защиты от городского дыма и пыли. Однако и их, и всех прочих, больше беспокоила защита фотокамер от цветного порошка: у всех профессиональных фотографов Индии есть особые «Холи-чехлы», которые заботливо натягиваются на всю технику. Шел второй день после главного празднования Холи, после полнолуния, начало месяца *чайтра*. В Джао в этот день проходит красочная процессия, где мужчины и мальчики радостной толпой движутся по улицам, поют и бьют в барабаны, а девушки и женщины смотрят на них с балконов, крыш домов и из окон, выкрикивая «солёные словечки», всячески задирая их.

Весь день посвящен неспешному отдыху: мужчины из окрестных деревень собираются в «клубах» Джао, курят *хукку* (скажем, своего рода кальян), пьют *щербет* и распевают песни *холи*, женщины гуляют, а около храма Кришны некоторые из них начинают танцевать. Около тридцати *садху*, странствующих по дорогам Индии, собрались здесь, их кормили на открытой веранде при храме; нас тоже пригласили разделить трапезу. Вечером, вернувшись во Вриндаван, я побывала в гостях у семьи, держащей труппу актеров и музыкантов, исполняющих *раслилу*.

В области Матхуры всегда находится большое количество иностранцев, многие из которых поселились в Индии уже давно. Те, кто приехал после 15 марта 2020 г., столкнулись с проблемами: в последней декаде марта иностранцы в Индии, как бы они ни выглядели, стали идентифицироваться как носители вируса. Мне рассказали позднее, что многих из них попросили покинуть отели. Индийцы, принимавшие иностранцев без уведомления полиции, подвергались преследованиям. Но это было чуть позже; до 12 марта Бадж жил обычной жизнью, в котором одним из самых неприятных факторов оставались наглые обезьяны банды Вриндавана. Стоило бы провести антропологическое исследование этого феномена – странной конфигурации взаимоотношений между обезьянами и людьми, уже принявшей форму вооруженной войны.

Алигарх. 12-15 марта.

12 марта я отправилась на такси из «Lakshmi travel agency» в город Алигарх, около 70 километров от Вриндавана; приехала к вечеру в университетский кампус: другой мир, иное бытие.

Aligarh Muslim University (AMU) был основан в 1920 г., теперь этот благородный университет отмечает столетний юбилей. С октября 2019 г. AMU (как и другие университеты Индии с высоким уровнем автономии и политической активности, JNU, Jamia Millia Islamia, Jadavpur University) испытал огромную волну протестов, приостановку учебного процесса, рост сопротивления, насилия и противодействия насилию как реакции на принятие Закона о гражданстве и усиление праворадикальной политики. За последние шесть месяцев Алигарх пережил много беспокойств: протесты против снижения автономии университетов, роста политического контроля государства, сужения светского пространства. В этом контексте не удивительна и тема нашего семинара.

Семинар “Violence of Translation: assessing the impact” («Насилие перевода: оценка воздействия»), задуманный моей подружкой, профес-

сором Кафедры английского языка Вибхой Шармой и ее коллегами, состоялся, хотя и прошел в ограниченном виде: 13 марта в зал допустили около 50 человек, 14 же марта – после внезапного запрета всяких занятий во всех учебных заведениях Индии – докладчики читали доклады в крошечной комнате под видеозапись, и рядом находилось не более 5 человек.

Я жила в гостевом доме университета; на завтрак 14 марта пришли несколько женщин, которые только что приехали сюда на другие конференции; все они оказались внезапно отменены. Жизнь принимала неожиданный поворот: стало понятно, что центральная власть будет принимать решения неожиданно. В каждом штате Индии уже начали вводиться различные ограничения.

Недавняя гибель одного мальчика-мусульманина в городе Алигарх в перестрелке с полицией вызвала большое возмущение и беспорядки в городе; 14 марта было небезопасно покидать кампус университета. Вот мы и остались здесь; с профессором Таракешваром из Хайдарабада и коллегами Вибхи мы посетили музей, студенческие клубы и мечеть, и, наконец, осели во внутреннем дворе, на траве, выпить по чашечке чая. Говорили о политике, о языках, о проблемах перевода, обсудили доклады нашего семинара. Я с интересом наблюдала, как здесь среди студентов и ученых все еще сохраняются хорошие манеры, особый дресс-код и утонченное этикетное поведение – знаменитый алигархский *texzib*. Интересно, способны ли воспитание и учтивость стать лекарством от социальных бед?

Однако вечером того же дня, 14 марта, меня пригласили на свадьбу; семья одного преподавателя праздновала бракосочетание дочери. Церемония *никах* ожидалась ночью, вечером же был организован прием, было много гостей, женщины в великолепных нарядах, изобилие вкусной еды в лучших традициях местной индо-мусульманской кухни. Улыбки, надежды на лучшее и разговоры обо всем на свете кроме коронавируса. Островок спокойствия между двумя беспокойными океанами: уже обнажившимся океаном социальных протестов и политической катастрофы и только подступающим океаном биосоциальной катастрофы под названием «Covid-19». Я помню странный закат солнца 14 марта: светило внезапно исчезло ни в облаке, ни в тумане, а в каком-то мороке непредсказуемости; символ неясного будущего?

15 марта утром я уехала из Алигарха в Дели, и оттуда вылетела рейсом компании «Indigo» в Калькутту. Не было ничего необычного;

некоторые пассажиры в зале ожидания и в самолете надели маски, но симпатичные стюардессы ходили как ни в чем не бывало.

Калькутта. 15-18 марта.

Калькутта, в прошлом – столица Британской Индии, оживленный город, где каждый день происходят десятки культурных событий. Теперь Мемориал Виктории и Национальный музей закрыты, мероприятия с участием иностранцев отменены. Тем не менее, некоторые художественные галереи открыты, и проходят небольшие частные *байтхаки* – домашние музыкальные и поэтические вечера. Мой приятель Митул пригласил меня на один из них. Однако днем, 15 марта, он написал мне SMS-сообщение, полное беспокойства и колебаний: «As you are coming from a state that is affected by nCOV... and this is a small-door *baithak*, where there is a public gathering... please consideration your decision of attending... apologies, but it is my duty to inform you... small gatherings increase the problem, as preventive distance can not be maintained...» («Поскольку ты приехала из страны, охваченной ковидом... а это – *байтхак* в узком пространстве, куда соберется народ... пожалуйста, подумай о своем решении присутствовать... извини, но это моя обязанность проинформировать тебя... тесное собрание усилит проблемы, а превентивную дистанцию там нельзя будет соблюсти...»). Это стало первым случаем, когда я столкнулась с настоящим страхом. Конечно, опасение, боязнь. Но боязнь – чего именно, и чего в большей мере? Инфекции и возможной смерти? Социального неодобрения? Возможных неприятностей со стороны властей? Всего вместе сразу?

Все-таки сам хозяин, организатор *байтхака*, дал «добро», и я получила разрешение приехать. Кроме меня в аудитории были еще три или четыре иностранца, японец и немцы, музыканты, живущие в Индии уже довольно долгое время, в том числе один из главных исполнителей – Карстен Вик, играющий на *рудра-вине*, немец, обосновавшийся в Калькутте.

Индийцев было много; они приходили и уходили. Музыка была изумительна. Никто не носил маску, никто и не думал ни о чем другом, кроме искусства, существенной части жизни для многих бенгальцев. Погружаясь в музыку, люди забывают обо всем на свете.

16-18 марта я провела во многом на Парк-стрит с моей дорогой старшей подругой Тиной.

Тина потеряла своего мужа 27 февраля. Мехер Мехта был очень болен в течение последних двух лет, но с декабря 2019 г. – уже в кри-

тическом состоянии; смерть была ожидаема. Мы говорили с Тиной о разном, на эти дни ее квартира в старинном доме на Парк-стрит превратилась в пространство воспоминаний. У Тины ясный, спокойный ум и великолепное чувство юмора. Жизнь подкидывала ей немало непростых уроков, но она защищена своей верой в благие мысли, слова и дела. Тина принадлежит общине парсов, зороастрийцев Индии. Еще недавно она принимала пациентов как рефлексолог; заходили к ней и ныне известный политик Шаши Тхарур, и прекрасная танцовщица Ранджабати Чаки Сиркар.

Пару лет назад, когда ее муж серьезно заболел гриппом, она встретила одного *дастура*, зороастрийского жреца, который дал ей своеобразную «мантру»: следовало повторять два из 101 имени Ахура Мазды: А-Тарш, А-Биш. Что это значит, Тина не знала. Ответ пришел чудом, из книги, неожиданно «выпрыгнувшей» из шкафа, на которой к тому же стояло посвящение, словно бы эту книгу ей подарил свекор. «Он никогда не дарил мне никаких книг, и уж тем более – книг религиозного содержания!» Потом, когда Тина пыталась найти эту книгу снова, ее нигде не было. Там был список имен Ахура Мазды, «наверняка, позднее изобретение под влиянием ислама» – считает Тина. Она нашла значение этих двух слов: А-Тарш, «лишенный страха», А-Биш «лишенный боли». Она стала их повторять, и тогда муж выздоровел. Потом, однако, вылезли другие, уже непреодолимые болезни. Теперь же, в эти дни, когда тема коронавируса постепенно вытесняла все прочие темы в СМИ, Тине началось казаться – а не умер ли и ее муж от этой же самой заразы?

Страх – сильный инструмент воздействия. Запущенный в общественное сознание, он начинает воспроизводить себя в мыслях, словах и делах людей даже тогда и там, где нет никакого повода. Он проявляется по-разному, далеко не только в испуге и желании отстраниться или убежать; он выливается в форму агрессии, смеха, ненависти. Но он может быть трансформирован и в познание, и в мужество.

15 марта я увидела, как страх пришел в мысли и речи моих давних знакомых, как в последующие дни начало возрастать «тело страха», наполняясь воздухом и заполняя все больше и больше места в публичном пространстве. Каждый страх имеет несколько измерений, чаще всего сочетая рациональные и иррациональные сегменты.

Основным страхом был страх неизвестного как такового. Он сочетался со страхами заболеть, умереть или не иметь возможности продолжать нормальную жизнь – зарабатывать себе на жизнь, поддерживать свою семью. Новизна всей обстановки жизни в Индии со-

ставляла основу всех прочих «слоев» страхов. Во всех книжных магазинах Индии среди самых продаваемых книг начиная с конца февраля 2020 г. лежит сочинение Джагги Васудева, более известного под именем Sadguru, “Death” – не то, чтобы апология, но в своем роде руководство. В случае с коронавирусом страх вызывал сильное ощущение «ненормальной», «чужой» смерти, которая может приключиться с человеком благодаря – по уверениям СМИ – именно ему. Звучала даже мысль, что куда «лучше», «безопаснее», «спокойнее» умереть от тысяч других причин – хорошо известных, давно нашедших в культурной картине мира свою «нишу», обретших своих покровителей, демонов, вызывающих напасти, и богов, их исцеляющих. Иногда это один и тот же священный персонаж – богиня оспы (и заодно других эпидемий) Шитала (Ferrari 2015), змеиная богиня, несущая смерть и исцеляющая Манаса, и многие другие. Беспокойство вызывало во многом «неприрученность» нового вируса. Реализовывался же страх нередко посредством агрессивного отношения к чужому – «белому», «иностранныму», а также, и даже особенно, «монголоидному»: об усилении расовой дискриминации в отношении любых людей монголоидного облика, чаще всего, жителей индийского Северо-Востока, в том числе и совершенно здоровых: в середине марта их подчас не пускали в рестораны, не поселяли в гостиницы (Chakma 2020).

17 марта в Калькутте был зарегистрирован первый больной коронавирусом, прибывший из другого города; к тому времени гигиеническое и проксемическое поведение многих людей уже начало меняться. Дезинфицирующие средства и маски были молниеносно раскуплены, нехватка их в медицинских магазинах создавала панику. Бринда, моя приятельница и журналистка из калькуттской газеты «Телеграф», писала о случаях кражи масок и дезинфицирующих средств в больших и малых масштабах. Я видела, как в медицинских лавках люди скупали гомеопатические препараты – например, сделанные на основе белладонны и мышьяка, для укрепления иммунной системы; с той же целью многие индуисты к тому времени уже начали регулярно пить коровью мочу.

Начала меняться жизнь и у семьи моих друзей, чья дочка, преподавательница танца, в конце января вернулась из Пекина. Дочь все еще отходит от шока, в который она была повержена в Китае. 15-16 марта они еще участвовали в социальных мероприятиях Калькутты, их сын, Сурамья, представил свою театральную постановку в театре «Падастик», но когда я пришла навестить их, то ощутила сгустки беспокой-

ства. Как будет выглядеть жизнь? Вирус, не вирус? Чем заниматься? Какие ограничения грядут? Сурангама, мать семейства, женщина очень оптимистичная, с активной жизненной позицией, наверняка найдет художественный выход из удручающего положения. Но пока что и она оказалась охвачена каким-то ментальным мороком.

Будучи членом Индийского антропологического общества, я узнавала о горячих новостях из нашей группы в Whatsapp. Если 16 марта в Калькутте еще проходили концерты, работали кинотеатры, то 17 марта утром вышел приказ закрыть все места собрания людей. Показ моего этнографического фильма, созданного в Москве в соавторстве с Еленой Кругловой, в Русском культурном центре все же состоялся.

Около тридцати зрителей в большом зале были неплохим достижением, хотя в тот день это было, возможно, единственное культурное событие в городе. Однако после небольшого обсуждения довольно скоро почти все разошлись: облако опасений уже повисло над Калькуттой; двое из моих друзей остались немного дольше, и мы насладились вкусными супами и беседами на разные невирусные темы в ресторане «Millee droog».

18 марта был последним днем, когда еще работал New Market, крупнейший рынок Калькутты: с завтрашнего дня его закроют на неопределенное время. Такое было только в худшие годы раздела Индии. «Seagull books» и другие книжные магазины тоже готовились к закрытию.

В этот же день я побывала с Плабаном Басу, актером, с огромным энтузиазмом рассказавшем о своей театральной студии, на репетиции пьесы «Ха-Рам» – новое прочтение истории Рамы. Ребята работают каждый день, постигая идею молодого режиссера; в тот день здесь пока еще никого не волновала тема «короны».

И все же беспокойство было. Удивительно, но столь сильно чаемые тишина и спокойствие вечером на Парк-стрит начали пугать даже Тину; мы подробно говорили об этом с ней вечером. Она призналась: «Тишина – это то, чего я так желала! Но сейчас это действительно опасная тишина... Может быть, толпы глупых молодых людей, танцующих на крышах, лучше, чем этот тихий воздух? Я чувствую, что-то на нас движется нечто ужасное. Оно уже на подходе. Это гораздо хуже, чем этот глупый вирус. Нечто большее. Я не знаю что это такое. Может быть, даже что-то не человеческое. Но я чувствую это. Грядет какая-то катастрофа...». В те дни к ней заходили трое слуг – служащая ей вот уже семнадцать лет домработница Васанти, делающий

покупки Шанкар и уборщик Гопал. Весьма скоро единственным человеком, с которым Тина сможет видеться и разделять трапезу, станет Паоломи, дочь владельца дома, живущая на первом этаже. Все прочие квартиры этого старинного калькуттского дома уже стали офисами, которые будут надолго закрыты. В преддверии нашего расставания Тина обещала писать начатый рассказ о конце света – если только будет вдохновение, а мне она дала наставление: «Просто будь. Никогда не надейся, что кто-то прибежит тебе на помощь. Познай силу и мощь внутри себя, держись внутренней гармонии и спокойствия, что бы ни происходило. Я, конечно, все равно, буду думать и молиться за тебя. Но ты живи, и будь собой. Без боли, без страха!»

Ченнаи. 19-23 марта.

У меня был ранний утренний рейс из Калькутты в Ченнаи 19 марта. Такси Uber я вызвала в 5 утра; по дороге видела восход солнца. Прекрасный, благородный облик совершенно пустынного города. Водитель, несмотря на навигацию, сумел немного заплутать на самом подъезде к аэропорту.

В аэропорту было малоллюдно. Авиакомпания «Indigo» простила мне два лишних килограмма в багаже сверх разрешенных 15 кг, и пригласила занять любое свободное место в самолете: количество пассажиров оказалось несколько меньше ожидаемого. Пассажиров и сотрудников авиакомпаний в масках было уже побольше.

В Ченнаи, в гостинице, портье спросил, кто я, откуда, с какой целью. Несколько водителей авто-рикш, ожидающих пассажиров у ворот, дрались за меня, пару раз жестоко избивая друг друга: клиентов почти нет. Последние дни изменили нравы местных авто-рикш (о нравах мадрасских рикш ходят легенды, они даже описаны в путеводителях по Индии) решающим образом: внезапно они стали милыми, осторожными и даже дружелюбными. Один из них стал моим постоянным шофером на эти дни. Я ездила по трем адресам, к тем людям, моим информантам, которые были готовы со мной встречаться и разговаривать; многие находились на карантине после путешествий на рейсах с возможно зараженными людьми на борту. В книжный магазин, к портным и за газетками я могла пойти пешком.

Жизнь начала быстро меняться и захлопываться, каждый день приносил новые ограничения. 20 марта оказались закрытыми все храмы, торговые центры и большая часть публичного пространства, продолжали работать только небольшие продуктовые магазины, ба-

калеи и закусовые. Рынок предметов роскоши (одежды, предметов искусства) стал быстро рушиться, потребители предпочли «сидеть на деньгах».

21 марта было объявлено, что днем 22 марта с 7 до 9 часов вечера по всей Индии объявляется *Janata curfew* – Всенародный комендантский день, когда никто не должен выходить из дома. В спешке люди бросились покупать продукты и готовиться к принудительной изоляции. Неясно было, как быть тем, у кого нет дома?

22 марта я встала в 6 утра и отправилась на берег моря. Сонный *auto-rikshaw-wallah* (рикша-валла), притаившийся под эстакадой, конечно, нуждался в работе, но боялся. До берега моря было всего около 2 км, и я завершила его, что к семи утра мы вернемся обратно. Отдельные спортсмены уже завершали свои утренние пробежки.

Пляж был закрыт. Несколько человек, ранние пташки, собрались возле памятника М.К. Ганди на крохотном пятачке. Полицейские бродили рядом, присматривали за людьми, не позволяя им выйти на песок.

Небеса были туманными. Потом внезапно появилось солнце, оно перешло от одного облака в другое. Без четверти семь полицейские начали заставлять людей расходиться. Весь город погрузился в сомнамбулическое состояние.

Тем временем в отеле, где я остановилась, готовилась свадебная церемония. Гости приехали еще накануне, был снят зал, предназначенный именно для таких событий. Жених и невеста – тамилы, живущие в Канаде; на свадьбе присутствовали только родственники, около 50 человек.

Это едва ли можно было расценить как нормальную ситуацию, конечно, предполагалось гораздо больше гостей – как мне позже призналась одна из теток жениха, с определенным риском приехавшая из Бангалора: границы штатов начинают закрываться.

Мое присутствие создавало определенную проблему. Одни члены семьи махали мне, подавая знаки приветствия: приходите, зайдите в зал, присоединяйтесь к нашему традиционному завтраку. Но другие волновались; наконец, один человек подошел и сказал, что в других обстоятельствах он бы конечно пригласил меня присоединиться, но не сейчас. Позже, вечером, несколько гостей вышли подышать свежим воздухом во дворе отеля. Завтра утром они вернутся домой в Бангалор, если дорога будет открыта; тень беспокойства лежала на их лицах.

В этот день я впервые услышал слово «война»; на стойке отеля женщина-портье произнесла: «Мы все слышали о Второй мировой

войне, но никогда ее не испытывали. Теперь то, что происходит, очень, очень похоже... Я не понимаю, что происходит в реальности, будь то вирус или что-то еще, но похоже, что мы на войне!» Слова «мы на войне!» пришли в этот день также и от моих друзей из Северного Малабара, из деревень возле Касаргода. Ни в Калькутте, ни в Ченнаи еще никто не встречал людей, заболевших «коронай», а в Керале они уже имелись.

Тем временем, центральной властью были выдвинуты пожелания: пусть закрытые в своих домах люди в пять часов вечера выглянут на балконы, и хлопают в ладоши, и гремят в металлическую посуду, таким образом поддерживая тех, кто находится «на переднем фронте» войны с вирусом. Во многих городках это превратилось в настоящее шоу: люди переусердствовали, где-то даже толпами выходили на улицы, громыхая и хлопая, и по ходу дела активно общаясь друг с другом, не слишком соблюдая «социальную дистанцию». Похожий казус произошел и позднее, 5 апреля, когда по инициативе премьер-министра страны в девять часов вечера следовало погасить электрический свет на 9 минут и зажечь масляные светильники, поддерживая таким образом борьбу с болезнью. В Дели и других городах многие восприняли это как призыв к своего рода «Дивали», празднику огней: в дело пошли фейерверки, петарды, запуск которых сопровождался радостным общением без соблюдения дистанции. Кроме того, затея с одновременным выключением света по всей стране критиковалась со стороны ряда инженеров (Prince 2020).

22 марта весь день в Ченнаи, как и других городах Индии, почти не было движения. Ворота моей гостиницы были закрыты, стражники томились на посту. Днем же прибыло новое объявление от центрального правительства: «комендантский час» по всей Индии продлен до 5 утра следующего дня, и все поезда по всей Индии отменены. Было позволено доехать до места назначения тем поездам, что уже находились в пути с утра 22 марта, но никакие другие не могли начать движение. Междугородние автобусы уже тоже практически не ходили. Моя поездка в деревню Мелатур сорвалась.

Управление ситуацией после 22 марта в Индии было весьма жестким. Информация поступала по разным каналам, фрагментарно. Все ограничения и запреты объявлялись внезапно и в атмосфере тревоги.

Обеспокоенные и расстроенные знакомые из Кералы писали, что не смогут мне ни в чем помочь. «Мы никогда в жизни не испытывали такого давления на нас, не находились в таком неведении – и о насто-

ящем, и о будущем! Мы просто не понимаем, что мы еще можем», – признавались некоторые. Только Шрикала, приятельница из-под Коттаяма, верно ждала меня в своем деревенском доме. Все прочие были растеряны и подавлены.

Некоторые из моих знакомых понимали и соглашались, мол, да, необходимы решительные действия для предотвращения неконтролируемого и быстрого распространения заболевания, вызываемого вирусом. Но остановка всего общественного, а затем во многом и частного транспорта в Индии, закрытие почти всего публичного пространства, и, наконец, закрытие районов, штатов и всей страны произошли внезапно, в течение этих трех дней.

Неожиданность, жесткость и пугающая неизвестность всего хода менеджмента кризиса технически напоминали другую катастрофическую операцию в Индии, начавшуюся 8 ноября 2016 года – демонетизацию. В то время я тоже оказалась в Индии, и в полной мере прошла опыт «включенного наблюдения». Однако нынешняя ситуация, как быстро стало ясно, имела куда как более обширный, глобальный масштаб. Как оказалось, 22 марта состоялись последние регулярные международные рейсы всех авиакомпаний.

22 марта знакомый из российского консульства в Ченнаи сообщил мне о специальном рейсе «Аэрофлота», из Дели в Москву, который предполагался 25 марта в 5 часов 50 минут. 23 марта правительство Индии объявило, что 24 марта – это последний день для внутренних рейсов по всей Индии. Утром 23 марта я предполагала, что завтра улечу в Кералу, в Кочи, а в конце марта вернусь в Дели, где и буду ожидать возможности возвращения в Россию. По информации утра 23 марта, рейсы «Indigo» 24 марта из Ченнаи в Кочи и 31 марта из Кочи в Дели должны были лететь по расписанию.

Однако вечером 23 марта мне позвонил коллега антрополог, Канчан, и посоветовал немедленно покинуть Индию, если только я не собираюсь застрять здесь на совершенно неопределенное время. Профессор Прабодх волновался за меня еще больше, о чем он нервно кричал в телефонную трубку. Оба просили в любое время дня и ночи информировать их, как будет проходить мое бегство. Последней каплей в моем решении стала переписка с коллегой Константином Банниковым, который как опытный путешественник давал мне полезные советы издалека; 23 марта он написал: «Слушай, если там еще что-нибудь, летает, то вали-ка оттуда». Я сообщила, что международных рейсов уже нет, и тогда он оптимистично ответил: «На Гаруде

улетишь». С той минуты я начала присматриваться к небу, не летит ли чудесная птица бога Вишну, известного своим чудотворством.

Международный аэропорт им. Индиры Ганди в Дели. 24-25 марта.

Я прилетела из Ченнаи в Дели в 11 утра 24 марта. В аэропорт в Ченнаи ранним утром меня довез мой рикша-валла; он не просил,

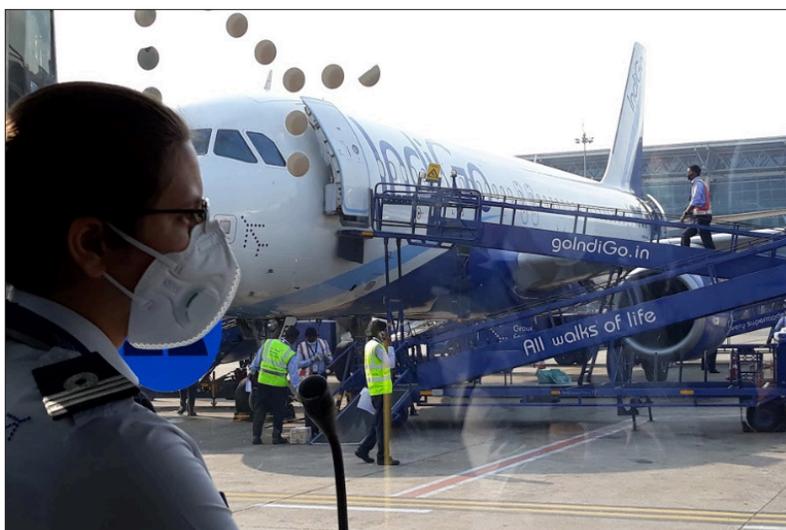

Рис. 1. Автобус подвозит пассажиров и команду авиакомпании «Indigo» к самолету в аэропор-

однако я заплатила ему вдвое больше: впереди у него чрезвычайно тяжелые времена, было очевидно, что его гораздо более чем вирус волнует то, как он сможет обеспечивать своих троих детей и жену. Самолет был полон; маски надели примерно половина пассажиров и сотрудники авиакомпаний.

Маски становились почти привычной деталью одежды, на них стали рисовать губки, цветочки, пытаясь тем самым «приручить», «украсить», оживить их.

Где-то в шутку, а где-то и всерьез масками стали обеспечивать и богов и богинь; в этом нет ничего необычного, ведь даже бог Джаганнатх, согласно обычаю, ежегодно после ритуального омовения «подхватывает простуду» и «лечится» до самой *ратха-ятры*.

Я видела вместо масок и связанные листья дерева ним (*Azadirachta indica*), и листья *баньяна* (*Ficus religiosa*) – на веревочках.

Пешком я дошла до Терминала 3, где и осела в зале ожидания, расположенном возле закрытых офисов авиакомпаний.

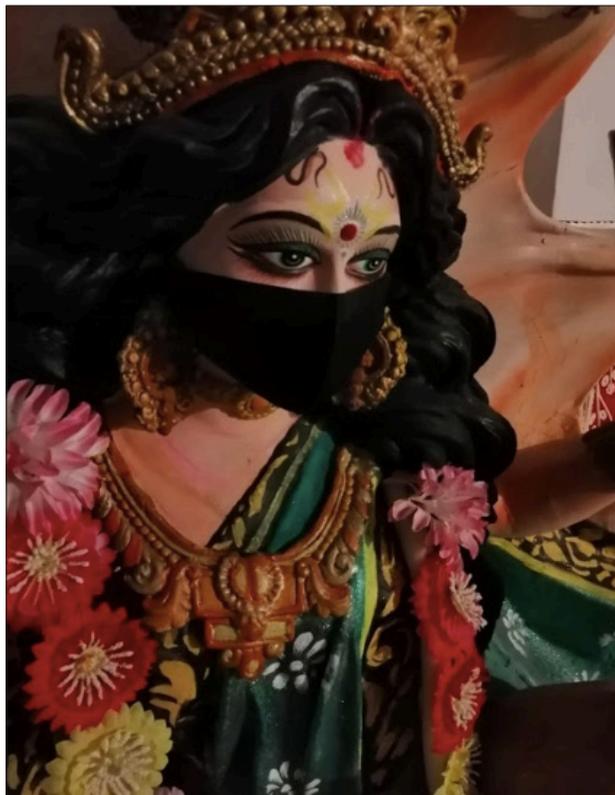

Рис. 2. Домашнее изображение богини Сарасвати в доме моих друзей в эпоху Covid-19. Фото Сурамя Дасгупта.

Начались поучительные день и ночь тесного общения со множеством россиян, белорусов и украинцев, надеявшихся вернуться домой. Некоторые из них находились здесь уже с позднего вечера 22 марта: рейсы 23 марта были отменены.

На ожидаемый спецрейс ранним утром 25 марта нужно было зарегистрироваться на сайте российского консульства; по слухам, это сделали около 8000 человек, большая часть которых просто не смогла добраться до Дели.

Внутри аэропорта, в зал ожидания пускали только тех, у кого на руках была распечатка обратного билета – в общем, более-менее на любую дату.

Зал был не очень большим и плохо приспособленным к долгому ожиданию и большому скоплению посетителей. Ряды жестких кресел, четыре лежанки по бокам (там обосновались люди, прибывшие сюда 22 и 23 марта). Две розетки для зарядки мобильных телефонов. Любо-

пытно, что за небольшой нишей, заставленной горшками с цветами и заклеенной скотчем, располагался пустой зал такого же размера с удобными лежаками и множеством розеток: зона VIP. Сотрудники аэропорта не предполагали пускать туда людей, видимо, желая сохранять это помещение пустым и свободным от посетителей. Зато время от времени в зал, куда прибывало все больше и больше ожидающих своей участи иностранцев вбегали охранники, они орали: «Дистанция! Дистанция! 1.5 метра!» – и пытались разъединить тех, кто стоял или сидел слишком близко. Однако народ все прибывал, и вскоре охранники бросили безнадежное дело по регулированию «социальной дистанции». К вечеру в зале появился юный человек в сером костюме; он подходил к нам, представлялся сотрудником аэропорта, просил показать паспорт и записывал наши имена в какой-то список, смысл которого он то ли толком не знал, то ли не хотел нам раскрыть. Однако он не был уполномочен решить ни одну из проблем, и, как и охранники, не знал, есть ли где-то питьевая вода. Сделав круг по залу, он исчез, и более его никто не видел.

Из большого окна было видно, как три самолета в разное время взлетели на протяжении этого дня. К вечеру в зале остались только россияне, и несколько белорусов и украинцев.

Туалет располагался этажом ниже, куда мы могли спуститься на лифте; там тоже стоял охранник, отслеживающий, чтобы наверх не проник кто-то без обратного билета; он уже знал многих в лицо. Питьевая вода была только в крохотном фонтане рядом с туалетом. Снаружи, у входа в аэропорт, начала собираться группа тех людей, у кого не было обратного билета из Дели: их не пускали внутрь.

Все магазинчики, киоски, лавочки были закрыты. Я спросила у охранников, где можно добыть питьевой воды в бутылках; никто не знал. Прогулявшись по пустынному первому этажу, я, тем не менее, обнаружила за пустым отсеком для предполагаемых больных Covid-19 два открытых кафе, где можно было поесть и выпить кофе, продавались там и бутылки воды. Некоторые обитатели нашего «гетто» уже были там и подкреплялись.

Около одиннадцати часов вечера появились представители российского посольства, консульства и компании «Аэрофлот». Началась загрузка рейса. Всех ожидающих разделили: в первую очередь пропускали пассажиров «Аэрофлота», тех, чьи обратные билеты были на март, затем – на апрель, и даже май. Те, кто путешествовал другими компаниями (их билеты просто пропали), мог купить свое место за

двойную цену, багаж оплачивался отдельно. Это была крайне нервная ночь для всех; зато я услышала много интересных историй.

Рис. 3. Отсек, подготовленный для людей, зараженных (или предполагаемых зараженных) Covid-19. Международный аэропорт им. Индиры Ганди, Дели. 24 марта 2020 г. Фото автора.

Спеша «закрыть страну», индийские власти, кажется, не обратили большого внимания на множество иностранцев, в том числе туристов, находящихся в Индии. Ситуация, с которой многие из них столкнулись, была беспрецедентной, а иногда даже ужасной. Так же как и бедные люди Индии, многие иностранцы в одночасье стали бездомными, кто-то оказался и без денег.

Все зависело, разумеется, от личных контактов; люди помогали друг другу. Тем не менее, во многом, к сожалению, атмосфера страха и ненависти к любому «иностранцу», каким бы он ни был, быстро обострилась. В ребят из Санкт-Петербурга в городе Варанаси плевали прохожие, просто завидев их «иностранные лица». В нескольких университетах были случаи выгона иностранных студентов из общежитий, они были предоставлены сами себе. То же самое произошло со многими гостиницами по всей Индии: иностранцы, в том числе матери с детьми, были выброшены на улицу. Они слышали советы «просто убираться из страны», при том, что возможности уехать уже не осталось: не было транспорта, даже частные машины не пропускали между районами и границами штатов. С другой стороны, именно индийские друзья помогали многим, рискуя собой.

Рис. 4. Сотрудники российского посольства и консульства в Дели помогают в загрузке рейса. Международный аэропорт им. Индиры Ганди, Дели. 24 марта 2020 г. Фото автора.

Посольства и консульства тех стран, которым удавалось договориться о специальных, эвакуационных авиарейсах, присылали письменные подтверждения, по которым спешащих в делийский аэропорт иностранцев должны были пропускать на дорогах, и все же были накладки и проблемы.

Самолет взял на борт 380 человек, рейс задержали часа на два, пока не были решены судьбы всех возможных пассажиров.

Улететь смогли не все. Других рейсов в это время из аэропорта Индиры Ганди и не было, а когда будет следующий спецрейс в Россию, в тот момент было совершенно непонятно. Поднявшийся шум и волны возмущения в последние числа марта – первые числа апреля вынудили власти предпринять ряд шагов, чтобы каким-то образом найти выход из ситуации, вывозить людей или помогать им выжить на месте.

Затем

Я вернулась домой 25 марта и получила множество поздравлений с успешным возвращением от друзей и знакомых. 25 марта был первый

день праздника Чайтра Наваратри, а также всеиндийского *локдауна*. В нескольких штатах, таких как Керала (где официальное число инфицированных было выше, а возможно, там просто имела лучшая система диагностики), «закрытие» произошло уже несколькими днями раньше.

С того момента вся привычная жизнь остановилась, начал формироваться новый феномен *глобальной изоляции*: одновременный рост связанности людей посредством Интернета и физического и социального отчуждения. Люди среднего и высшего классов общества во многих странах мира пошли на «домашний арест». Как и много где, в Индии активно пропагандируется лозунг: «Будь дома, будь в безопасности».

Социальная – а не *физическая*, как правильнее бы было ее назвать, и каковой она должна быть, – дистанция, когда-то являющаяся неотъемлемой частью индийской кастовой системы, уничтоженной демократией и урбанизмом, быстро начала возвращаться в реальность повседневной жизни. Поденные рабочие, мигранты, и множество людей в Индии, ежедневно зарабатывающих себе на пропитание, оказались в катастрофической ситуации. Звучала разная оценка необходимости и процедуры этого *локдауна*. За его необходимость высказывались и медики, и ученые, и политики.

Рис. 5. Shetty Devi, Lock Down completely now, *The Times of India*. 23.03.2020.

Однако, как свидетельствуют многие, в том, как было организовано «управление кризисом», было немало серьезных ошибок.

Жесткая критика адресована индийским властям из-за плохого управления наведением порядка, большого количества бездомных или мигрантов во многих городах; например, исход мигрантов из Дели принял невероятные, по-настоящему библейские масштабы (РТИ 2020).

Один из старейших членов Партии Индийского национального Конгресса Капил Сибал выразил это таким образом, что возникли две Индии: одна сидит дома, занимается йогой, смотрит Рамаяну по телевизору и играет в традиционную игру *антакшари*, а другая пытается вернуться домой и борется за выживание. Добавим к этому, что у многих жителей Индии просто нет дома. Ни еды, ни крова, ни спасения для многих.

В штате Ассам остановлена работа всех чайных плантаций; 2 апреля 2020 г. *Times of India* сообщила, что 70.000 работников плантаций находятся на грани голода (Goswamy 2020).

Полиция избивает людей за то, что те выходят на улицу, часто в поисках еды или небольшой возможности заработать. Иногда это принимает даже комический вид, когда нанимаются актеры уличного театра *бахурупия*, изображающие Яму, царя мира мертвых, и его спутников, чья задача, согласно мифологии, ловить души. Такие акции считаются информированием и предупреждением населения об опасности коронавируса, «Corona awareness». Однако во многих случаях жесткость полиции не кажется забавной и смешной. Избиению дубинками подвергались и иностранцы, в частности, обитатели Гоа.

К началу апреля страхи, которыми оказались охвачены значительные массы индийцев, проделали определенную эволюцию. Вместо страха «чужого, иностранного», «чего-то неизвестного», «туманного облака приближающегося ужаса» и даже страха заболеть, появились и стали отчетливыми другие страхи: страх стать жертвой действий полиции или армии, направленных на установление изоляции и «социальной дистанции», страх потерять работу, доход и, в конечном итоге, жизнь из-за экономического кризиса с еще неясными последствиями. Страх стать «*непрямой жертвой*» провозглашенного вируса.

Тем не менее, ряд территорий в Индии остаются во многом *непрозрачными* даже для властей. Одним из самых крупных случаев, ставших известными из-за большого количества инфицированных людей, стало массовое собрание мусульман в Дели, в мечети Nizamuddin Markaz еще с 1 по 15 марта, где имело место, в том числе, и агрессивное поведение по отношению к полиции: верующие считают свое пространство, свои собрания, свои ритуалы, а также свою болезнь частными делами. При этом девять из заразившихся мусульман вернулись на

Андамандские острова, в Порт-Блер, что заставило антропологов серьезно взволноваться за судьбу местного племенного населения, имеющего низкий иммунитет к подобного рода вирусам (Chakma 2020).

Коронавирус и политическая реакция на него стали причинами для новой постановки проблемы разграничения «приватного» / «публичного». Может ли теперь человек заболеть «в частном порядке», или же его болезнь, выздоровление или смерть будут обязательно «присвоенны» государством, станут достоянием публичного обсуждения, войдут в статистику, станут причиной для возможного ostracism его и его близких? Так, ситуация вокруг «короны» стала основанием новых дискуссий о том, что и как теперь должно «принадлежать» государству, обществу, группам и отдельным людям. Вдобавок к этому, в Индии, как и во многих других странах мира, началось обсуждение роста психологической напряженности, домашнего насилия, сложности изменить свое поведение – в частности, держать физическую дистанцию.

В последние годы Индию сотрясает множество потрясений и бурных событий. Самыми громкими из них стали демонетизация, начавшаяся вечером 8 ноября 2016 г. (я в тот момент была на конференции в городе Импхал, штат Манипур, где на денежную катастрофу наложилась еще экономическая блокада штата), протесты против ряда действий правящей элиты, укрепления правого национализма, и в частности, протесты против изменения Конституции и принятия поправок к Закону о гражданстве осенью 2019 г. О серьезных экономических проблемах, с которыми уже сталкивается Индия, пишут, в частности, известные экономисты Амартья Сен и Жан Дрезе (Drèze, Jean, Sen, Amartya 2020).

Звучит критика жесткого управления страной в связи с объявлением опасности эпидемии, вызванной коронавирусом – стратегия внезапности, стремление к получению правящими структурами сверхполномочий, снижения автономии и демократических институтов. Кабир Агарвал в своих статьях привлекает внимание к проблеме голода: так, в середине апреля около 30 % населения Индии – хотя в разных штатах картина серьезно различается – не включены в государственную систему обеспечения едой (PDS, public distribution system), во многом единственный источник жизнеобеспечения в сложившихся обстоятельствах (Agarval 2020).

Вынужденная «обратная миграция» – возвращение мигрантов в те места, откуда они когда-то уехали, несет определенную социальную опасность. Известный антрополог, автор работ по теории и процессам глобализации Арджун Аппадурай называет политические процессы в ряде стран мира своеобразным «восстание элит», перефрази-

руя название известной работы Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (Appadurai Arjun. 2020).

Все сегменты социального знания, от социологии до астрологии, пытаются ответить на вопросы: что происходит для меня, моей семьи, моего круга общения, нашего города, страны, планеты. Заново формируются социальные связи: с кем ты заодно, а кто тебе противостоит в данных условиях? Люди пытаются найти ответ, подходящий для их понимания жизни. Для одних – это конец иллюзий, сокрушение всех надежд. Для других – время, когда надо просто выжить. Для третьих – время, когда можно нарушать социальные нормы. Для четвертых – время, когда необходимо помочь другим. Кто-то может делать выбор, другим просто нужно постараться не погибнуть.

К альтернативным стратегиям выживания во время реального (а не выдуманного) кризиса, выработанным в истории человечества, и зачастую связанным с существованием племенных, в прошлом относительно изолированных сообществ, привлекают внимание антропологи и этнографы⁴. Главное же – не позволить вирусу (какую бы политическую и социальную личину он ни принимал) внедриться в наше сознание.

«Проклятие звезд», изобретение людей, естественный ход вещей?

Одной из самых сильных сторон индийского общества и культуры (разумеется, это обобщение, но все же) была и все еще остается тяга к многоголосию. Споры, отстаивание различных точек зрения, аккумуляция противоположных позиций – существенный механизм и в социальной, и в религиозной, и в художественной жизни. Нобелевский лауреат по экономике Амартья Сен вывел образ «спорящих индийцев» («argumentative Indians»), в заголовок своей известной книги, в которой он подчеркивает плодотворность и необходимость плюрализма мнений, установок и действий, права сомневаться и вопрошать, в результате чего «the simultaneous flourishing of many different convictions and viewpoints in India has drawn substantially on the acceptance <...> of heterodoxy and dialogue» («одновременный расцвет множества различных убеждений и точек зрения в Индии в значительной степени опирается на принятие <...> гетеродоксии и диалога») (Sen 2005: ix). Несмотря на запрет индийских властей распространять ложные и непроверенные новости о «короне», едва ли это возможно; в настоящее время далеко не все уверены в точности и верности информации, которая приходит от официальных источников. Кризис 2016 г. в свое время подорвал у значительной части населения веру в договоренности между обществом и государством.

Ситуация вокруг коронавируса и провоцируемого им заболевания (или нескольких заболеваний?) была и остается весьма непрозрачной. Не удивительно, что она порождает огромное количество слухов, домыслов, проявляется в самых разных, в том числе странных и девиантных формах поведения. Рационализация «короны» оказывается самой разной; в разговорах с моими индийскими друзьями я слышала, по меньшей мере, десяток версий – астрологические, политические, религиозные, медицинские и биологические аспекты оказались «завернутыми» в плотный «кокон» иных позиций и перспектив.

Известно, что слово «disaster» ведет нас к звездному небу. Некогда считалось, что негативное влияние звезд или крайне неблагоприятного сочетания планет и звезд вызывает катастрофы на земле, порождая «плохой воздух» («малярия»), который и вызывает такие болезни, как черная чума или оспа. “One especially nasty influence (or, to use the Italian word, influenza) was considered responsible for an outbreak of the influenza we now call the flu” («Одно особенно неприятное влияние (или, если использовать итальянское слово, influenza) считалось ответственным за вспышку инфлюэнции, которую мы сейчас называем гриппом») (Boxer 2020). Грипп, таким образом, это, прежде всего – дурное влияние.

Рис. 6. Корона-асура перед сожжением на празднике Холи. Обложка журнала Open. 23.03.2020.

Две недели моих мартовских путешествий по Индии ясно показали, как зарождается и каким образом транслируется страх. Я пришла к выводу, что именно страх – первый признак и механизм как «дурного влияния звезд», так и опасных социальных перемен, ведущих к деформации личности. Страх подобен одержимости, которая завладевает человеком, как и вирусное заболевание. Однако страх также может оказаться и катализатором позитивных перемен, если вовремя его «поймать» и трансформировать. История и культура Индии знает множество тому примеров; примером тому могут быть связь медицины, телесных практик и некоторых культов, в частности, Шиталы, богини оспы и других опасных инфекционных заболеваний (Ferrari 2011, 2015). Возможно, в Индии уже появляется новый культ «Короны», или же функции ее «покровительницы» примут на себя старые, давно «прирученные» персонификации болезней и напастей. Освоенные же опасности уже не так страшны; этнограф Любовь Соловьева хорошо показала это в статье о «приручении» и «заговаривании» болезней в Грузии (Соловьева 2004).

В некоторых городах Индии Covid-19 начали культурно осваивать и «приручать» всеми доступными способами; например, сжигать чучело «Коронавируса» под видом демона «Корона-асура» во время празднования Холи.

Бенгальские художники *читракары* уже сочинили про коронавирус баллады и нарисовали иллюстрирующие их живописные свитки; их исполнение можно увидеть в записи (Das 2020). Художники Калигхата, создающие рисунки на популярные темы, в которых сочетаются религиозные и повседневные сюжеты, тоже отлично поработали над темой: вирус «короны» обрел симпатичный облик, он одет в белые *дхоти* и темно-синюю украшенную *курту*, у него характерная «голова», на которой появились глазки и мордочка с острыми зубками. Он не позволяет классической калькуттской романтической парочке возлюбленных сильно сблизиться, а согласно другому рисунку, он – порождение богини Кали (Ganguly 2020).

Подобная «доместикация» «короны» происходит и в творческой деятельности артистов *бахурупи*, и в кукольных театрах, и в иной художественной и исполнительской культуре по всей Индии.

Страхи можно победить разными способами, в том числе здравомыслием, простым, хорошо известным способом, подсказанным нам еще великим сказочником Гансом Христианом Андерсеном: надо разгадать, с кем имеешь дело. Нужно не поддаваться на

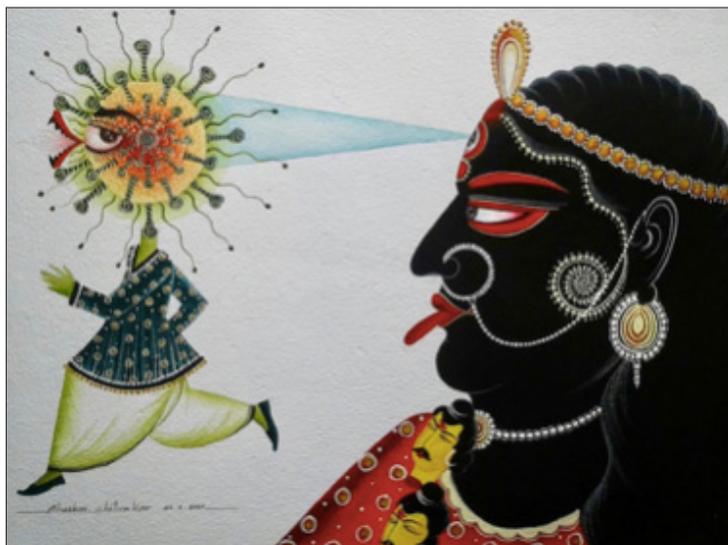

Рис. 7. Рисунок художников Калигхатта (Das 2020). Март 2020 г. Калькутта.

провокации, делать действительно важное дело своей жизни, и просто учитывать, что сейчас «блуждающие огоньки в городе»!

Примечания

¹ Бхагавата мела натакам – танцевальная драма, исполняемая на регулярной основе артистическим сообществом бхагаватаров, ведущих свое происхождение из южноиндийского штата Андхра-Прадеш (деревня Кучипуди), но расселившихся и в других землях, в частности, в деревне Мелаттур около города Танджавур в Тамилнаду. Представление бхагаватаров связано с вишнуйским культом, в его основе лежит Бхагавата пурана.

² Падаяни – традиционная ритуальная драма, представляемая в рамках культа богини Бхагавати, или Бхадракали в центральной части штата Керала.

³ Месяц чайтра – первый месяц в индийском календаре, начинающийся с новолуния, наступающего в марте-апреле по григорианскому календарю.

⁴ См. в частности публикации на сайте: <https://www.iwgia.org/en>.

Библиография

Андерсен, Г. Х. (1973) *Блуждающие огоньки в городе!*, *Сказки и истории*, Т. 2. Кишинев: Лумина.

Соловьева, Л. В. (2004) *Пожаловали батонеби и обрадовали нас*, *Восточная коллекция*, № 2 (17), с. 146 - 153.

Agarwal, K. (2020) *Six Charts Show That India Needs to (and Can Afford to)*

Universalise PDS, *The Wire* (<https://thewire.in/food/covid-19-lockdown-food-pds-india>) (18.06.2020).

Appadurai, A. (2020) We are witnessing the revolt of the elites, *The Wire*, April, 22 (<https://thewire.in/politics/populism-elite-narendra-modi-donald-trump>) (18.06.2020).

Boxer, A. (2020) *A Scheme of Heaven. The History of Astrology and The Search for our Destiny in Data*. W.W. Norton and Company.

Chakma, D. (2020) COVID-19 in India: Reverse migration could destroy indigenous communities, *IWGIA* (https://www.iwgia.org/en/india/3550-covid-19-india-reverse-migration.html?fbclid=IwAR38mSOFWb0h25JTTLz-xSGXMMbIQ-ri1oiqwm_EAmlsq_dOLg7Mhbps-wA) (17.06.2020).

Das, Sh. (2020) From Bengal, a Patachitra that narrates the story of the fight against coronavirus goes viral, *Indian express*, 25.04 (<https://indianexpress.com/article/trending/trending-in-india/from-bengal-a-patachitra-that-narrates-the-story-of-the-fight-against-coronavirus-goes-viral-6379099/?fbclid=IwAR3nHiyD58CD DTK6N6W9lj9wSRyVsv3TCzO8Hd5edI-D4DxANBms0l75yPc>) (17.06.2020).

Drèze, J., Sen, A. (2020) India adrift. From failing development policy to collapsing democracy, *The Telegraph*, 16.03.

Ferrari, F. M. (ed.) (2011) *Health and Religious Rituals in South Asia: Disease, Possession and Healing*. New York, London: Routledge.

Ferrari, F. M. (2015) *Religion, Devotion and Medicine in North India: The Healing Power of Sitala*. London: Bloomsbury Academic.

Ganguly, R. (2020) Community Transmission: Coronavirus Enters Bengal's Folk-Art Form, *The Wire* (<https://thewire.in/the-arts/community-transmission-coronavirus-enters-an-ancient-folk-art-form>) (17.06.2020).

Goswamy, B.B. (2020) 70,000 tea workers in Barak Valley struggle for survival, *Times of India*, April, 2 (https://timesofindia.indiatimes.com/city/guwahati/70000-tea-workers-in-barak-valley-struggle-for-survival/articleshow/74943252.cms?utm_source=facebook.com&utm_source=contentofinterest&utm_medium=social&utm_medium=text&utm_campaign=toimobille&utm_campaign=cppst&from=mdr) (18.06.2020).

Prince, M.Th. (2020) PM Modi's solidarity call: Here's why the 9-minute challenge is 'unprecedented' for the power industry (https://www.moneycontrol.com/news/companies-2/pm-modis-solidarity-call-heres-why-the-9-minute-challenge-is-unprecedented-for-the-power-industry-5104731.html?fbclid=IwAR2XpRpn5C4S6mKNrqpQuR8Om0uLI0AOp09HnsiJbC_8WC3OQsT08u0LEf4) (17.06.2020).

PTI (2020) Exodus of migrant workers out of Delhi unabated but police block their entry into Anand Vihar ISBT, *The Hindu*, March 29 (<https://www.thehindu.com/news/national/coronavirus-exodus-of-migrant-workers-out-of-delhi-unabated-but-police-block-their-entry-into-anand-vihar-isbt/article31198725.ece>) (18.06.2020).

Sen, A. (2005) *The Argumentative Indian: Writings on Indian Culture, History and Identity*. London: Allen Lane.

References

Agarwal, K. (2020) Six Charts Show That India Needs to (and Can Afford to) Universalise PDS, *The Wire* (<https://thewire.in/food/covid-19-lockdown-food-pds-india>) (18.06.2020).

Andersen, H. Ch. (1973) Bluzhdayushchiye ogon'ki v gorode! [Wandering lights in the city!], *Skazki i istorii* [Tales and stories], Vol. 2. Chisinau: Lumina.

Appadurai, A. (2020) We are witnessing the revolt of the elites, *The Wire*, April, 22 (<https://thewire.in/politics/populism-elite-narendra-modi-donald-trump>) (18.06.2020).

Boxer, A. (2020) *A Scheme of Heaven. The History of Astrology and The Search for our Destiny in Data*. W.W. Norton and Company.

Chakma, D. (2020) COVID-19 in India: Reverse migration could destroy indigenous communities, *IWGIA* (https://www.iwgia.org/en/india/3550-covid-19-india-reverse-migration.html?fbclid=IwAR38mSOFWb0h25JTTLz-xSGXMMbIQ-ri1oiqwm_EAmlsq_dOLg7Mhbps-wA) (17.06.2020).

Das, Sh. (2020) From Bengal, a Patachitra that narrates the story of the fight against coronavirus goes viral, *Indian express*, 25.04 (<https://indianexpress.com/article/trending/trending-in-india/from-bengal-a-patachitra-that-narrates-the-story-of-the-fight-against-coronavirus-goes-viral-6379099/?fbclid=IwAR3nHiyD58CDDTK6N6W9lj9wSRyVsv3TCzO8Hd5edI-D4DxANBms0l75yPc>) (17.06.2020).

Drèze, J., Sen, A. (2020) India adrift. From failing development policy to collapsing democracy, *The Telegraph*, 16.03.

Ferrari, F. M. (ed.) (2011) *Health and Religious Rituals in South Asia: Disease, Possession and Healing*. New York, London: Routledge.

Ferrari, F. M. (2015) *Religion, Devotion and Medicine in North India: The Healing Power of Sitala*. London: Bloomsbury Academic.

Ganguly, R. (2020) Community Transmission: Coronavirus Enters Bengal's Folk-Art Form, *The Wire* (<https://thewire.in/the-arts/community-transmission-coronavirus-enters-an-ancient-folk-art-form>) (17.06.2020).

Goswamy, B.B. (2020) 70,000 tea workers in Barak Valley struggle for survival, *Times of India*, April, 2 (https://timesofindia.indiatimes.com/city/guwahati/70000-tea-workers-in-barak-valley-struggle-for-survival/articleshow/74943252.cms?utm_source=facebook.com&utm_source=contentofinterest&utm_medium=social&utm_medium=text&utm_campaign=toimobille&utm_campaign=cppst&from=mdr) (18.06.2020).

Prince, M.Th. (2020) PM Modi's solidarity call: Here's why the 9-minute challenge is 'unprecedented' for the power industry (<https://www.moneycontrol.com/news/companies-2/pm-modis-solidarity-call-heres-why-the-9-minute->

challenge-is-unprecedented-for-the-power-industry-5104731.html?fbclid=IwAR2XpRpn5C4S6mKNrqpQuR8Om0uLI0AOp09HnsiJbC_8WC3OQsT08u0LEf4) (17.06.2020).

PTI (2020) Exodus of migrant workers out of Delhi unabated but police block their entry into Anand Vihar ISBT, *The Hindu*, March 29 (<https://www.thehindu.com/news/national/coronavirus-exodus-of-migrant-workers-out-of-delhi-unabated-but-police-block-their-entry-into-anand-vihar-isbt/article31198725.ece>) (18.06.2020).

Sen, A. (2005) *The Argumentative Indian: Writings on Indian Culture, History and Identity*. London: Allen Lane.

Solovieva, L. V. (2004) Pozhalovali batonebi i obradovali nas... [They welcomed the batoney and pleased us...], *Vostochnaya kolleksiya* [Oriental collection]. № 2 (17), pp. 146 - 153.

Keywords: March 2020, COVID-19, India, ethnographic diary, fears

Abstract. Based on the ethnographic diary and several publications, this essay presents a chronicle of the days from March 8 to March 25, 2020, which the author spent in India - Delhi, Vrindavan and suburbs, at the University of Aligarh, Calcutta and Chennai. The notes, sketches, and impressions of these days outline the configuration of changes in Indian society that are occurring in connection with the beginning of the spread of the new coronavirus infection.

Author info:

Svetlana I. Ryzhakova, Dr. Hist. Sc., Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow).

Citation link:

Ryzhakova S.I. (2020). "Ne pozvol' virusu vtorgnut'sja v tvoe soznanie!": bespokojstva i ozhidaniya v Indii v period COVID-19 (zametki iz dnevnika jetnografa, 8-25 marta 2020 g.) ["Do Not Let the Virus Invade Your Mind!" Worries and Expectations in India at the Time of COVID-19 (Notes from an Ethnographer's Diary: March 8-25, 2020)]. *Medicinskaja antropologija i biojetika* [Medical anthropology and bioethics], 1 (19).